

ПАРИЖСКИЙ

LE COURRIER DE PARIS
HEBDOMADAIRE

„Pariser Beobachter“ —

„Parijsky Viestnik“

Еженедельная русская газета,
выходящая по субботам

ВЕСТНИКЪ

Издание Управления Дѣлами Русской Эмиграции во Франціи

SAMEDI, 13 NOVEMBRE 1943
13 ноября 1943 года

№ 74

„Вишневый садъ“

(1903 г.)

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

«Вишневый садъ» — последнее предсмертное произведение А. П. Чехова. Въ этомъ году этому произведенію исполнилось сорокъ лѣтъ. «Вишневый садъ» написанъ въ 1903 году передъ «первой» революціей 1905 года и весь проникнутъ «предгрозовыми» настроеніями.

Основная идея пьесы — исторически неизбежное крушеніе дворянскаго слоя и созданной имъ культуры, — въ своемъ родѣ высоко изящной, эстетически тонкой, но внутренне-бессильной, бездѣятельной, не отвѣчающей новымъ потребностямъ времени. Символически эта идея воплощается въ исторію умирания дворянской усадьбы и гибели «Вишневого сада».

Когда то очень давно вишневый садъ, которымъ славится имѣніе Л. Раневской и Л. Гаева, о которомъ, какъ они съ гордостью говорятъ, — въ «Энциклопедическомъ словарѣ» написано, имѣлъ неоспоримую цѣну.

Но ни Гаевъ, ни Раневская не хотятъ мириться съ современными факторами.

Теперь — имѣніе заложено и перезаложено, платитъ процен-

товъ нечѣмъ и оно должно быть продано съ торговъ.

Растерянные и слабые, неспособные разбраться въ сложившейся обстановкѣ, отказаться отъ своихъ старыхъ привычекъ и взглядовъ и предотвратить неизбежное, владѣльцы вишневыхъ садовъ оказываются обреченными на гибель. На смѣну имъ, какъ новый хозяинъ, приходитъ купецъ-промышленникъ, изображенный въ пьесѣ въ лицѣ Е. А. Лопахина, покупающаго имѣніе съ торговъ. Чуждый романтизма и ненужной сентиментальности, онъ немедленно начинаетъ вырубать садъ подлѣ дачные участки. Стукомъ топоровъ, вырубавшихъ вишневый садъ, замыкается драма.

Отъ извѣстнаго «обаянія» этой умирающей дворянской культуры Чеховъ не могъ отрѣшиться вполне, поэтому исторія гибели — «вишневого сада» дается въ тонкихъ легкой грусти, симпатіи и сожалѣніи къ его былымъ обладателямъ. Но въ то же время Чеховъ не скрываетъ оборотной стороны этой культуры. Устами студента Н. С. Трофимова въ его рѣчи, обращенной къ Анѣ, онъ на

поминаетъ, что вишневый садъ «страшенъ», что хозяйева его были крѣпостники, которые владѣли живыми душами и что съ cadaго листка, съ cadaго ствола глядятъ человѣческія существа, слышатся голоса и ночью «старая кора на деревьяхъ отвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневые деревья выдѣляютъ во снѣ, что было сто, двѣсти лѣтъ назадъ». Интересно, что въ первоначальномъ текстѣ вмѣсто всего этого стояли другія слова, выброшенные цензурой.

«Владѣть чужими душами — вѣдь это переродило всѣхъ васъ, жившихъ раньше и теперь живущихъ, такъ, что ваша мать, вы, дядя, уже не замѣчаете что вы живете въ долгъ, на чужой счетъ, на счетъ тѣхъ людей, которыхъ вы не пускаете дальше перелѣтъ».

Образы дворянъ-помѣщиковъ Мягко, но правдиво показывать Чеховъ всю внутреннюю ничемность обладателей вишневого сада, — безволіе, неустойчивость, страсть къ фразѣ, романтическую экзальтацію, неспособность сосредоточиться на одномъ какомъ нибудь чувствѣ или стремленіи и претворить его въ дѣйствіе.

Любовь Андреевна плачетъ отъ умиленія къ дѣтской, въ которой она спала маленькой, и отъ того, что она любитъ родину, и тутъ же смѣется отъ радости цѣлуетъ свой «шкафчикъ», «столикъ» и, глядя въ окно на цвѣтущій садъ, декламируетъ:

«О мое дѣтство, чистота моя», а на сообщеніе о смерти няни отвѣчаетъ равнодушной репликой: «Да, Царство ей небесное». Гаевъ бродитъ изъ угла въ уголъ, бормочетъ всѣмъ надѣвшееся «желтого въ середину» и тоже декламируетъ (рѣчь передъ книжнымъ шкафомъ), а когда его обрываютъ, сконфуженно замолкаетъ. Неумѣстная патетическая рѣчь на тему объ «идеалахъ добра и общественнаго самосознанія», которымъ такъ глубоко противорѣчитъ безцѣльный паразитическій образъ жизни самого Гаева, ясно обнаруживаетъ всю романтическую безпочвенность провозглашаемыхъ имъ по традиціи лозунговъ и лишній разъ подчеркиваетъ всю его внутреннюю несостоятельность.

Съ первыхъ строкъ драмы, вкратце, казалось бы, одной только заботой о спасеніи своего сада, Гаевъ и Раневская оказываются неспособными слѣзть къ этому хотя бы одинъ практический шагъ, а ждутъ избавленія изъ нища: «Хорошо бы получить отъ кого нибудь наслѣдство, хорошо бы выдать Аню за богатаго чело-вѣка, хорошо бы поѣхать въ Ярославль и попытать счастья у тушки-графини...». И въ тотъ моментъ, когда садъ уже продается съ торговъ, они, вѣрные своимъ старымъ привычкамъ, спѣшаютъ закрыть глаза, уйти отъ дѣйствительности, не думать, не знать. Случайно пришли музыканты и случайно Раневская устраиваетъ балъ, гремитъ музыка, танцы. А въ это время окончательно и без-

поворотно рѣшается ихъ судьба. Не менѣе показателенъ для характеристикъ Гаевыхъ и другой эпизодъ — со старикомъ Фирсомъ. Забота о Фирсѣ, котораго надо отправить въ больницу, составляя егъ предметъ разговора (и только разговора) всего послѣдняго дѣйствія. И все же въ конечномъ итогѣ эта сердечная, искренняя забота на практикѣ не приводитъ ни къ чему: Фирса даже забываютъ въ опустѣломъ и запертомъ домѣ.

Въ общей композиціи пьесы Фирсъ — одна изъ наиболѣе важныхъ фигуръ. Какъ не полонъ былъ бы образъ гончаровскаго Обломова безъ неизмѣннаго спутника — Захара, такъ не полны были бы образы Гаева и Раневской безъ Фирса. Живой осколокъ отошедшей эпохи, онъ вздыхаетъ о временахъ, когда все было на своемъ мѣстѣ. Онъ опекаетъ своего стараго барина, какъ опекаютъ младенца, и умирая, забытый хозяевами, тревожится о томъ, что «Леонидъ Андреевичъ, небось, шубы не надѣлъ, въ пальто поѣхалъ. Я то не доглядѣлъ». Смерть его — необходимый художественный штрихъ въ картинѣ символической гибели «Вишневого сада».

Этимъ фигурамъ, символизирующимъ умирающую эпоху, противопоставлены въ пьесѣ носители будущаго — Лопахинъ, Трофимовъ и Аня.

Образъ Лопахина

Представитель купечества нарицательный Чеховымъ въ противопоставленіи нежизненному помѣщичьему

му классу въ положительных красках. Правда, Лопахинъ — грубъ, некультуренъ, онъ засыпаетъ падъ книгой, но онъ трезвъ, уменъ, работоспособенъ, не лишенъ сердечности и даже в извѣстной мѣрѣ поэтического чувства. И въ моментъ торжества при покупкѣ вишневаго сада онъ данъ не столько, какъ представитель предпринимательскаго хищничества, сколько, какъ выходецъ изъ угнетенныхъ социальныхъ низовъ, сынъ крѣпостного, поднимающійся къ господствующему положенію и по праву овладѣвающій цѣнностями, уходящими изъ рукъ отпадающаго социального слоя.

«Если бы отецъ мой и дѣдъ встали изъ гробовъ и посмотрѣли на все происшествіе, какъ ихъ Ермолай, битый малограмотный Ермолай, который зимой босикомъ бѣгалъ, какъ этотъ самый Ермолай купилъ имѣніе, прекраснѣе котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ! Я купилъ имѣніе, гдѣ дѣдъ и отецъ были рабами, гдѣ ихъ не пускали даже на кухню... Приходите всѣ посмотреть, какъ Ермолай Лопахинъ хватить топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачу, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь».

Здѣсь Чеховъ, какъ бы раздѣляясь съ Лопахинымъ его торжество. Однако, позднѣе мимоходомъ онъ опредѣленно подчерки-

ваетъ хищническую роль пришедшей на смѣну дворянству буржуазіи. «Позвольте спросить, какъ вы обо мнѣ понимаете?» — спрашиваетъ Лопахинъ Трофимова. «Какъ нуженъ хищный звѣрь, который съѣдаетъ все, что попадаетъ ему на пути, такъ и ты нуженъ», — отвѣчаетъ ему Трофимовъ.

Образъ Трофимова

Въ рѣчахъ студента Трофимова, различнаго, труженника, много претерпѣвшаго на своемъ вѣку скитаній и мытарствъ, но ставящаго выше всякихъ матеріальныхъ благъ свою внутреннюю свободу, частично раскрывается идеология самого Чехова. Въ нихъ звучитъ характерный для Чехова протестъ противъ духовны и мѣщанства обывательской жизни, некультурности, отсталости и грубости правовъ.

«Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока не способно. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ «ты», съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ, о наукахъ только говорить, въ искусствѣ понимаютъ мало... Живутъ, какъ дикари, чувтъ что — сейчасъ зуботычина, брань, ѣдятъ отвратительно, спятъ въ грязи, въ духотѣ, вездѣ смрадъ, сырость, нравственная нечистота».

Все это, конечно, теперь кажется намъ въ достаточной степени умѣреннымъ. Но все-таки, въ этихъ же рѣчахъ Трофимова прорывается иногда и нѣчто большее — ненависть ко всемъ формамъ крѣпостничества и эксплоатации, призывъ къ неустанной работѣ, вѣра въ необходимость и возможность коренной перестройки жизни на новыхъ, болѣе здоровыхъ началахъ.

Несмотря на отбѣнокъ комизма въ фигурѣ Трофимова, на его житейскую безпомощность и чисто юношескую идеалистическую приподнятость его словъ, не сваянныхъ прямо ни съ какимъ активнымъ дѣломъ, въ общемъ онъ дается въ пьесѣ, какъ лицо положительное. Конечно, Чеховъ выводитъ Трофимова вовсе не какъ идеалъ новаго человѣка, борца, строителя лучшаго будущаго; въ комедіи подчеркнуто, что и Трофимовъ въ своемъ родѣ — такой же «недотепа», какъ другія лица пьесы, по лодѣ влиянію смѣя его рѣчей представители дворянской молодежи, какъ Аня, перестаетъ «собождать» свой вишневый садъ, рвутъ съ прошлымъ и уходятъ въ новую жизнь. Со стукомъ топоровъ, вырубаящихъ вишневый садъ, сливаются призывные голоса молодежи, идущей къ дѣтельной борьбѣ. Несмотря на общій тонъ грусти, пронизывающій пьесу, комедія «Вишневый садъ», — одно изъ самыхъ оптимистическихъ произведеній Чехова. Это результатъ того общественаго подъема, который захватилъ Чехова, какъ и

другихъ представителей нашей интеллигенціи, накануне революціи.

Художественная особенность пьесы

По формѣ «Вишневый садъ» является яркимъ образцомъ драматическихъ приемовъ Чехова. Это драма настроеній, лирическихъ переживаній, реалистическая и символическая въ одно и то же время.

Изъ ряда отдѣльных бытовыхъ и психологическихъ мелочей постепенно вырастаетъ исчерпывающая картина той повседневной обстановки, того круга интересовъ, въ которомъ живутъ изображаемые герои.

Чеховъ стремится замѣнить вышнюю драматичность — драматичностью внутренней, поэтому основной задачей своей онъ ставитъ раскрытіе психологій своихъ героевъ. Естественно, что при условіи безволя ихъ и пассивности, онъ показываетъ эту психологію не столько въ дѣйствіи, сколько въ манерѣ чувствовать, мыслить и говорить. Отсюда та эмоциональная насыщенность, тотъ психологизмъ, который былъ отмѣченъ выше, въ образахъ Гаева и Раневской.

Языкъ каждаго изъ дѣствующихъ лицъ дается въ его типичной своеобразности, какъ въ смыслѣ общей интонаціи, такъ и въ смыслѣ словарнаго состава и синтаксическаго построения рѣчи: романтически-экзальтированный и сентиментальный у Любови Андреевны и Гаева, отчасти у Ани, ораторскій у Трофимова, отрыви-

стый и грубоватый — у Лопахина, напыщенный и мѣщански претенціозный у Яши, Дуныши и Епиходова, стариковски ворчливый, типично народный по составу — у Фирса.

Характеренъ также данный въ ремаркѣ символическій пейзажъ. — Дорога въ усадьбу Гаева и Раневской ведетъ мимо старой заброшенной часовни, мимо большихъ камней, бывшихъ когда то могильными плитами.

Въ освѣщеніи гибели «вишневаго сада» для Чехова характерна уже отмѣченная выше двойственность. Трагедія его обладателей воспринимается имъ, какъ явление закономерное, и дается въ тонѣ легкой усмѣшки. Самъ Чеховъ относитъ свою пьесу къ жанру комедіи, но, стремясь наиболѣе полно передать лирику чувствъ своихъ героевъ, Чеховъ настолько входитъ въ ихъ переживанія, что придаетъ всей пьесѣ эмоционально лирическую окраску, приближающую ее къ жанру лирической драмы типа «Дяди Ваня» и «Трехъ сестеръ». Этимъ и объясняется нѣкоторое недоразумѣніе при постановкѣ «Вишневаго сада» въ Художественномъ театрѣ, подчеркивавшее въ спектаклѣ именно лирическую сторону, въ то время, какъ Чеховъ настаивалъ, что ее надо играть, какъ комедію. Лирическое звучаніе пьесы, какъ мелодрамы, мало отвѣчаетъ настроеніямъ современнаго зрителя, но со стороны художественно-познавательной и сейчасъ «Вишневый садъ» сохраняетъ огромный интересъ.

Н. Ливчанъ.